

персона

«реальность не имеет для меня никакой ценности»

Дмитрий Черняков — Газете

Почти ни один фестиваль «Золотая маска» последних лет не обходился для режиссера Дмитрия Чернякова без премии. Минувшей весной он стал трижды лауреатом «Маски», собрав награды за «Аиду» не только от оперного жюри, но и от московских критиков. Балансируя между оперным и драматическим театром, сейчас он приступает к репетициям «Синей птицы» в МХТ. С Дмитрием Черняковым встретился корреспондент Газеты Глеб Ситковский.

Кто предложил взять для постановки «Синюю птицу»? Инициатива исходила от Табокова или от тебя?
От меня.

Почему-то я так сразу и подумал. «Синяя птица» неплохо укладывается в один ряд с «Похождениями повесы» в Большом театре. В обоих случаях речь идет о пьесах-аллегориях, в обоих случаях подразумеваются странствия души.

Ну, ты критик, тебе виднее... Но, если серьезно, иногда идея что-то сделать возникает не от того, что ты пытаешься все рассчитать и поставить в один ряд со своими предыдущими затеями. Часто все происходит очень спонтанно, в зависимости от какого-то случайного импульса. Вот, например, как было с «Двойным непостоянством» в «Глобусе»? Я приезжал в Новосибирск для того, чтобы поставить там абсолютно другую пьесу. Но стал смотреть актеров, увидел трех человек и подумал: о, они должны прекрасно сыграть «Двойное непостоянство».

Случайно-то оно, может, и случайно, но для того, чтобы так подумать, нужно хорошо знать эту пьесу и иметь в голове ясное представление о том, как ее можно было бы воплотить.

Да, это правда, пьесу я очень хорошо помнил. Хотя и не планировал ее ставить. Просто есть вещи, которые почему-то хорошо откладываются в голове. А «Синяя птица» возникла у меня еще вот почему. Меня, как и множество других детей, водили на «Синюю птицу» во МХАТ — это было еще в 1970-е годы, до раздела МХАТа. И у меня было ощущение, что мне как ребенку показывают что-то не по моему детскому разумению. Открывают тайны, показывают объем, который меня пугает. С другой стороны, манера изложения всего этого казалась мне какой-то ужасной. Я всегда воспринимал этот спектакль не то чтобы как полувыдохшийся, старый или потерявший изначальную свежесть, а просто как заведомо упрощенный. Но я ведь знаю, что Станиславский изначально ставил «Синюю птицу» не как детский спектакль, а как серьезное символистское произведение. Со временем он

Фотограф: Владимир Афанасьев/Газета

много сократил в пьесе, а в 1930-е годы некоторые сцены были оттуда изъяты за мистицизм. Для меня очень важно подчеркнуть, что я никак не соизмеряю свой выбор этого названия с тем, что этот спектакль когда-то шел в Художественном театре. Мое желание связано исключительно с самим произведением. Я немножко боюсь того, что существуют у публики какие-то

ожидания, связанные с тем, что «Синяя птица» — это старый московский спектакль. Я не думаю, что нужно выстраивать какие-то взаимоотношения со спектаклем Станиславского. Нужно ставить как бы заново.

Это будет заведомо взрослый спектакль?

Да! Хотя слово «взрослый» тоже сразу закрывает какие-то

возможности для восприятия. Наверное, его и ребенок сможет смотреть. Но точно могу сказать, что я не буду делать никаких корректив, с тем чтобы подстроиться под сугубо детское восприятие.

Почти всегда ты оформляешь свои спектакли сам как художник. С «Синей птицей» будет то же самое?

Да, так и будет. Я не разделяю себя как режиссера и как художника. Я не художник. Просто воспринимаю придумывание визуального ряда как часть работы режиссера. Я всего полтора раза работал с другим художником. Первый раз это было семь лет назад, я ставил «Молодого Давида» в Новосибирске. Я попал в этот проект уже в сформированную команду. А еще полпути, которые я имею в виду, это было по моей инициативе. Я пригласил Зиновия Марголина соучастником в работе над «Тристаном и Изольдой» в Мариинском театре. Вообще, в 80 процентов интервью, которые у меня брали, у меня обязательно спрашивали: «Как это вы так? Одновременно и художник, и режиссер?» Я уже придумал 155 ответов на этот вопрос и выдаю их по очереди.

Можно на бумажечках ответы написать и вытягивать случайную.

Ага. А вот еще очень модный вопрос: «Опера или драма? Ну вот расскажите, вы и в опере, и в драме работаете. Чем они отличаются? А что вы больше любите?» На этот вопрос я уже тоже знаю заранее, что отвечать. Он, надеюсь, будет?

Не надейся. Мне интересно немножко другое: оперная режиссура в твоей жизни появилась осознанно или это случилось случайно?

Я бы сказал, что это было предельно осознанно. И это всегда было моим преимуществом. Я думал об этом с самого начала — как только стал задумываться о том, что можно пойти учиться на режиссера. Я никогда не имел никакого отношения к опере. Ни я, ни мои родители. Но так сложилось случайно, что в каком-то сознательном возрасте, уже в начале 1980-х, я ходил постоянно на оперные спектакли. И, видимо, как-то это отложилось во мне. Опера меня занимает гораздо больше, чем драма. Хотя от очень уважаемых мною людей из драматического искусства я слышал, мягко говоря, сомнительные комментарии по поводу моей любви к опере. Мне говорили: «Зачем тебе это надо? Это не работа для режиссера.

Не трать время, оно так быстро уходит. Занимайся настоящим театром». И я всегда теряюсь, не зная, что ответить.

Видимо, все дело в том, что в России в отличие от Европы совершенно не развита традиция оперной режиссуры и режиссер по старинке считается вспомогательной фигурой при постановке оперных спектаклей.

Наверное. Это и в умах многих критиков то же самое.

Тема странствий души, общая для «Похождений повесы» и «Синей птицы», действительно была столь существенна при выборе материала, как может показаться со стороны?

Нет, дело немножко в другом. Я думаю, что на 75 процентов моя жизнь состоит из воспоминаний. Из прошлого. На остальные 25 — из иллюзий и из каких-то мечтаний. А реальности нет. Она не имеет для меня никакой ценности. Завтра наш с тобой разговор приобретет какую-то ценность, когда я начну вспоминать о нем, а сейчас — нет. Реальный человек для меня тоже не обладает никакой ценностью, а только мои представления о нем. И мне кажется, это у многих людей так. И вот поэту... В общем, продолжая дальше в этом направлении, я начинаю думать о «Синей птице». Вот так бы я сказал, кокетливо выкручиваясь из этого вопроса. Все остальное — на премьеру. А говорить о будущем спектакле сейчас — все равно что о ребенке на первом месяце беременности.

А в «Похождениях повесы» интересовала какая-то иная тема?

Мое отношение к «Похождениям повесы» как к моралите — далеко не самое главное. Мне было интересно смоделировать на примере одного человека ситуацию, при которой вся его жизнь складывается исключительно из осуществления желаний. Ни фрустраций, ни каких-то неразрешимых задач — все идеально получается. Интересно было проследить за тем, во что человек в результате такого пути превращается. И в конце этого пути, в момент краха определить, что для него являлось истинной ценностью, а что — нет.

Ну, фактически здесь речь идет о том же мотиве, что и при разговоре о «Синей птице». Важна не сама жизнь, а фантазия о ней.

Да, именно. Так и есть.

газета

похождения по весам

Дмитрию Чернякову 35 лет, он родился и вырос в Москве. В 1993 году окончил Российскую академию театрального искусства (ГИТИС) по специальности «режиссура». Несмотря на московское происхождение, в столице приобрел известность после нескольких оперных и драматических постановок в провинции. Работал в театрах Москвы, Санкт-Петербурга, Вильнюса, Новосибирска, Казани, Самары. В 1998 году заметным событием в театральной жизни России стала его постановка оперы Владимира Кобекина «Молодой Давид» в Новосибирске, после чего последовали приглашения от самых известных оперных театров. В 2000 году Мариинский театр обратился к нему с предложением поставить «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» Римского-Корсакова,

а в 2004-м в репертуаре Мариинки появилась опера Глинки «Жизнь за царя» в режиссуре Чернякова. В 2002 году поставил оперу Стравинского «Похождения повесы» в Большом театре. Опера «Аида», поставленная им в Новосибирском театре оперы и балета, получила в этом году «Золотые маски» за лучший оперный спектакль, за лучшую режиссуру, а также приз критики. Среди драматических спектаклей Чернякова самым заметным оказалось «Двойное непостоянство» Марииво в новосибирском театре «Глобус», побывавшее на нескольких крупных европейских фестивалях. Сейчас приступил к репетициям «Синей птицы» Метерлинка в МХТ имени Чехова. Предполагается, что, выпустив этот спектакль, он примет участие за постановку «Школы злословия» на мхатовской сцене. Среди оперных планов Чернякова на новый сезон — «Евгений Онегин» в Большом театре.